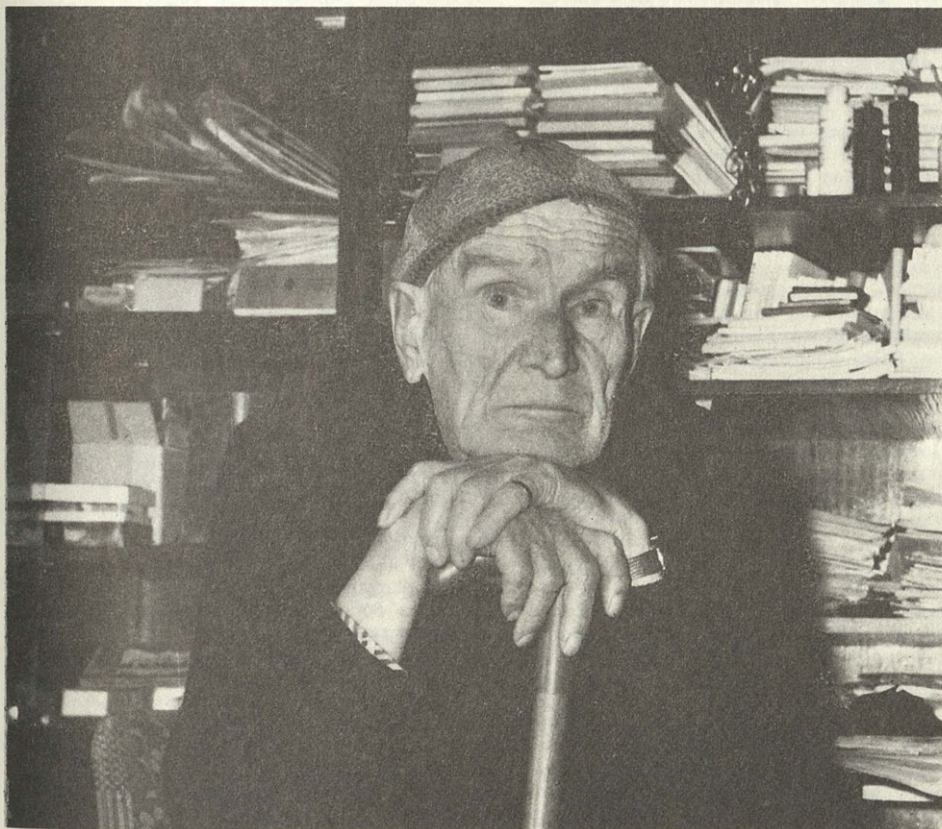

Почетный гражданин Костромы

Т. В. Войтюк,
ст. научный сотрудник
Государственного архива
Костромской области

На одной из тихих улиц костромского Заволжья жил человек, в дом которого почтальоны каждый день приносили письма. Они хорошо знали имя этого человека — Александр Александрович Григоров. Его знали и любили не только в Костроме. К нему приезжали из Москвы, Ленинграда, с Дальнего Востока историки, искусствоведы, писатели, потомки знаменитых в истории России родов.

Он родился в самом начале века, в 1904 году, в дворянской семье, небогатой, но имевшей древнюю родословную, гордившейся тем, что все Григоровы честно служили Отечеству. Были в этом роду новгородские бояре, воины Ивана Грозного, родственники Петра I, участники турецких походов. Прадед Александра Александровича А. Н. Григоров в 1857 году построил и оборудовал всем необходимым женскую гимназию — одну из первых в России (ныне один из корпусов Костромского пединститута). До 1918 года она так и назы-

валась — Григоровская. Вообще Александр Александрович знал историю своего рода с XIV века. Мог часами рассказывать, как влюблялись его прабабушки, воевали прадедушки, как строили мельницы и усадьбы, и всегда по-особенному, проникновенной, звучал его голос, когда он рассказывал о детских годах, проведенных в усадьбе Александровское Кинешемского уезда Костромской губернии: «Бывало, мама перед сном нашим постелет на пол коврик перед иконой Богородицы и станет на колени вместе с нами. А мы уже раздетые, в одних рубашечках, стоим и повторяем за мамой, глядя на скорбный, красивый лик Богородицы и ее улыбающегося младенца: «Богородице, Дево, радуйся, Благодатная Мария, Господь с тобою» ...А после всего молитва о всех нас, дабы Господь не оставил своими милостями, — за папу, маму, бабушку, няню, брата и сестру, а под конец «и меня, младенца Александра».

Время рассудило по-иному. Отца убили в 1915 году. Затем революция, которая застала Александра Григорова в 1-м Московском кадетском корпусе. Он вернулся в Александровское — усадьба, земли, скот, инвентарь — все было национализировано. Оставили кое-какие личные вещи.

Бывших господ поддержали крестьяне окрестных деревень — собрали хлеб и вырученные деньги отдали семье Григоровых. Так они смогли уехать на Украину с надеждой пережить голод и смутное время.

Юность пришлось на гражданскую войну, зрелость на эпоху «великих преобразований» — на лагеря.

Первый раз его арестовали осенью 1930 года, когда шел процесс по делу Промпартии, и Кинешемское ГПУ срочно сфабриковало дело о «группе 19 вредителей», связанных с Промпартией. Довольно скоро их всех выпустили, так как следствие вынуждено было признать, что нет никаких улик.

В июне 1940 года его арестовали второй раз, и уже надолго: в общей сложности он провел в тюрьмах и лагерях около 18 лет. К тому времени во дворе московского завода № 15 уже был расстрелян его брат, погибла от туберкулеза сестра.

Пришлось познакомиться с семьей тюрьмами, несколькими лагерями, отбыть два срока ссылки. Жена Григорова, Марья Григорьевна, была арестована через три месяца после мужа, отправлена в Актюбинский лагерь, отсидела восемь долгих лет, потом снова была арестована и выслана в Казахстан. Через 18 лет они увидели детей, которых помнили маленькими...

После ссылки они вернулись в Кострому, и Григоров, шестидесятилетний человек, вернувшийся «из небытия», стал заниматься краеведением, генеалогией, историей костромского края.

Однажды внучка А. Н. Островского, Марья Михайловна Шателен, обратилась к Александру Александровичу с просьбой поискать в костромском архиве документы по истории Щельцова, усадьбы ее деда. Выбор был не случаен, усадьба Островского и мнение Григоровых находились по соседству. К тому же дед Григорова и А. Н. Островский вместе служили в мировом съезде судей, отец был сослуживцем сына драматурга, Сергея Александровича, а жена Александра Александровича дружила с Марьей Михайловной Шателен. Работая над этой темой в костромском архиве, он увлекся историей рода Лермонтовых. Нашел уникальные, никогда не публиковавшиеся документы о родословной поэта, предках его отца, усадьбах на костромской земле. Лермонтовы были его первой любовью в истории края. О многих представителях этого рода он написал небольшие статьи, рассказы или заметки.

Через его руки прошли тысячи документов. Фонд костромского дворянского депутатского собрания он изучил досконально, собрал материалы к истории известных в России родов: Пушкиных, Невельских, Катениных, Червиных, Бошняков, Бутаковых, Бартевых, Куприяновых, Вяземских, Нащокиных, Тухачевских, Козловских — десятки тысяч имен. Со временем он составил генеалогические схемы и поколенные росписи многих русских дворянских родов. Поэтому, кто с

любовью, кто со злостью, называли его «певцом русского дворянства». Он помог многим людям восстановить историю рода, семьи, щедро делился со всеми своими находками и открытиями и был абсолютно бескорыстен — не желал ни славы, ни почестей. Он словно вел людей по темным лабиринтам прошлого и выводил их к свету, к истокам и корням нашей истории. Научная и историческая ценность его архива велика. Но ни его архив, ни рукописи не передают того особого состояния, которое возникало, когда он начинал говорить о «делах давно минувших дней». Рассказчиком Александр Александрович был удивительным. Время и пространство организовывалось тогда каким-то неведомым образом, и возникало ощущение, что он был лично знаком и с дьяками в XVI веке, и со всеми своими предками, и с Лермонтовыми, и с Невельскими, и с Пушкиными. Откуда-то из глубин его памяти выплывали невероятные рассказы, которые всегда отличались юмором, точным знанием деталей, примет времени и эмоциональной окраской.

Пожалуй, это был яркий пример исторической памяти, впитавшей в себя не одно поколение, — здесь было все: бабушкины альбомы, рассказы деда, мама, на столике которой перед образом Богоматери горела «вечная свеча», усадьба, хранившая дух предков. Великолепное знание истории — не по учебникам, а по источникам, не по схемам и классификациям, а каким-то особым чутьем, чувством собственной причастности. Образование, полученное в кадетском корпусе, было таким, что его с лихвой хватило на всю оставшуюся жизнь, — он консультировал и профессоров, и академиков, и многочисленных специалистов. Его однокашник по корпусу, известный советский историк П. А. Зайончковский, шутил говорил Александру Александровичу, что он смело может заменить собой целый научно-исследовательский институт.

В его архиве остался не один десяток рукописей: исторические новеллы, исследования, своеобразные повести и рассказы, родословные, картотеки на десятки тысяч имен — на их страницах воскресают реально жившие люди, воскресает сама история.

Благодаря инициативе Костромского отделения Фонда культуры, почти перед самой смертью Александру Александровичу Григорову было присвоено звание «Почетный гражданин города Костромь» и назначена персональная пенсия — жить ему оставалось всего несколько месяцев.

Сегодня правление Фонда культуры хлопот о разрешении установить мемориальную доску на доме, в котором он прожил около 30 лет, объявило сбор народных денег на памятник. И самое главное — в годовщину смерти, 8 октября 1990 года, вышла в свет первая небольшая книжечка его трудов — «Родная земля».